

**Александр
Дунаенко**

**Ушла
и не вернулась...**

**Рассказы
о
взрослой
любви**

Александръ Дунаенко
Ушла и не вернулась

«Издательские решения»

Дунаенко А.

Ушла и не вернулась / А. Дунаенко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-746878-1

В отличие от распространившейся блогерской мерзости, эротические картины любви и просто связи с женщинами Александра Дунаенко завораживают и притягивают... И нет в них ни тени отвращения и фальши... Мне кажется, что и эта сторона, увы, писателя малоизвестного, может конкурировать с классикой в этой области, с Миллеровским «Сексусом»... Александр Дунаенко невероятно талантлив пониманием силы русского языка и невероятно талантлив огромностью своей души. Надежда Либерман.

ISBN 978-5-44-746878-1

© Дунаенко А.
© Издательские решения

Содержание

Ушла и не вернулась	6
Проститутка	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Ушла и не вернулась

Александр Дунаенко

Дизайнер обложки Александр Иванович Дунаенко

© Александр Дунаенко, 2019

© Александр Иванович Дунаенко, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4474-6878-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ушла и не вернулась

Это сейчас нашего друга и прекрасного фотографа Славу Лысенко мы с Горбачевским стали по-за глаза называть Мугму. Было время, когда Слава представлял из себя для многих девушек завидную партию: в плечах косая сажень, бицепсы, трицепсы, узкий тазик, полон рот белых зубов. Словом, экипирован был, как самый удачливый серийный убийца. И, к тому же, обладал необходимым для таких дел пунктиком: сторонился, как невинных дев, так и стреляных женщин.

Любя и тех и других тайно и безнадежно, в решительный момент Слава позорно не являлся на свидание. Выставлял за дверь из своей квартиры засидевшуюся гостью, даже если за окном бушевала гроза, или рыскали по улицам, сбежавшие из зоопарка, огромные полосатые тигры.

Он как-то не догадывался, что ли, что... Да, нет... Он, наверное, чувствовал, что внутри него сидит этот самый маньяк. И, насколько у него хватало сил, старался в себе преодолеть эту подспудную тягу к нетрадиционному любовному сближению.

Ни жизнь, ни время на месте не стоят. Все друзья Славика (и мы в том числе) давно переженились, а он всё в мечтах, да с ночными кошмарами наедине. Скатывался к заскорузлomu, закоренелому холостячеству. Думается, маньяк с него всё-таки не получился бы. Для этого нужно обладать способностью легко, обаятельно делать первый шаг к своей будущей жертве. Слава этого шага не мог сделать никогда. Если делал, то спотыкался. Легко не получалось. Разве будет жертва относиться всерьёз к такому неумехе?

Есть холостяки, которых женить уже невозможно никогда. Как и во что они там сублимируются – это их личное дело, но, в любом случае, холостячество – явление ненормальное. Чтобы способствовать установлению всеобщей гармонии в мире, мужчина должен, обязан рано или поздно преклонить перед женщиной колени, а лучше – сразу лечь к ней под пятку. Всё равно этим кончится. Пытаться сопротивляться – себе же во вред. Мужчина умирает раньше, чем женщина, но, без женщины, холостяком, он ещё раньше отбрасывает коньки. Каким-то странным образом женская пяточка продлевает короткий век мужчины.

Нашему Славiku было уже за 30. Он занимался гимнастикой, бегом. Раз в год выходил на марафонскую дистанцию. Со стороны нас, людей женатых, это всё походило на попытки отвлечься от классовой борьбы с проклятыми женщинами. Всё равно, ни один марафонец на этом свете долго не пробегает, если вовремя не женится. Но втолковать упёртому Славiku очевидные истины не представлялось возможным. Он уже привык быть женатым на самом себе и от всяких разговоров на matrimониальные темы только раздражался.

Случайность, почти фантастическая, чуть не перевернула судьбу нашего Славика.

На заводе «Актюбрентген» организовали службу знакомств. Они там всегда начинали всё первыми, и, как только компартия приказала долго жить, группа энтузиастов взялась за компьютерное сватовство. Ясное дело, что при партии, да при Союзе до таких развратов никого бы не допустили.

На завод посыпались заявки. По городу загремели первые свадьбы на основе компьютерной комплектации семей. Техническая революция грозила слиянием с революцией сексуальной, и собесы трепетали в страхе от грядущего демографического взрыва.

Мы с Горбачевским тайком сдали в рентгеновский компьютер Славкины параметры. Вплоть до прядки волос. До анализов на кровь и гельминты. Великое дело – дружба. Она вот так вот и проверяется. Скажите: а вы могли бы у друга, даже во имя его предполагаемого блага, украсть то, чего он сам старается никому не показывать, и отнести в баклабораторию? Это вам не папку с чертежами из сейфа Мюллера умыкнуть...

Ответ просили прислать посредникам, то есть мне и Горбачевскому.

От фирмы пришло письмо с печатью. Нам оно показалось несколько странным. Сваты-сводники, вместо прекрасно совместимой с нашим другом невесты, предлагали японскую куклу. Биоробота «Идеальная жена». Получили прямо из Японии, пару недель назад, в порядке шефской помощи. Единственный в мире экземпляр. Актюбрентгеновские похабники рекомендовали сдать её нашему Славику в бессрочный прокат. Так сказать, для испытаний. От нас требовалось только одно: наблюдать за парой и периодически присылать отчёты. Далее следовало краткое описание конструкции: от человека не отличается ничем. Обучена русскому языку. Сдержанна. Воспитана. Сориентирована на преданность владельцу. Запрограммирована выполнять любые команды, кроме тех, что могут привести к разрушению аппарата. Не бить. Не подвергать длительному воздействию прямых солнечных лучей, боится сырости, ну, и т. д.

Горбачевский сразу вспылал, завозмутился: Славик всё-таки друг, а не зверёк какой-нибудь подопытный. А потом успокоился: наш холостячок всё равно её сломает. Так уж лучше пусть мёртвая машинка сгорит, чем живой человек. Горбачевский согласился. Я – тем более. Мне – лишь бы посмеяться.

Но это, так сказать, первая часть дела. Не менее сложно предстояло состыковать живую и неживую материю, сделать так, чтобы наш отпетый холостяк подпустил к себе замечательного робота.

Пошли к Славику. Он как раз отлёживался, приходил в себя после очередного марафона. Сопrotивляемости – никакой. Очевидно, это и решило исход нашей беседы. – Ну – кукла, так кукла – сказал нам Славик. Видно было, что он как будто даже обрадовался нашей затее. И добавил: по правде говоря, их настоящих, живых женщин, я всегда побаивался. А эту чего бояться? Щёлкнул выключателем – и точка. Кстати, у неё есть выключатель, пульт управления?.. – Нет – ответили мы. – В инструкции сказано, что управление вербальное. – Какое бальное? – переспросил Славик. – Посредством языкового общения. Ты ей отдаёшь устные команды – она выполняет, – ответили мы. Горбачевский – как учитель русского языка и литературы. Я – как русским языком писатель.

– Мне такая кукла нравится – подвёл итог нашему разговору осторожный Славик.

Смотрины, приём гости, назначили на субботу, через три дня.

Искусственная девушка и Славик прожили вместе достаточно долго: с февраля по май 1995 года. Мы сидели на кухне, когда она впервые переступила порог холостяцкой квартиры

Славы Лысенко. Я, Горбачевский и Славик – мы ожидали её и всё-таки вздрогнули, когда в семь вечера в дверях прозвенел звонок. Силой вытолкнули нашего друга в переднюю. Ему, наверное, было бы легче, если бы он знал, что у девушки на спине, или, там – на ноге есть обыкновенный выключатель. Или – если бы в руках у Славика была бы точка опоры – пульт управления. Или – на худой конец – автомат или вилы. Завалит этакий киборг, терминатор, и ещё неизвестно, кто кому в этой квартире невестой окажется...

А вошла хрупкая девушка. В козьей шубке, простоволосая, со снежинками на длинных выющихся прядях. В руках спортивная сумка. Лариса Афанасьева – так представилась нам она. – Я из Японии. А вы – Слава Лысенко? Я вас узнала по фотографии.

Она узнала и Славу, и нас, соучастников.

Слава обошёл свою вещь вокруг. Спросил в лоб: – А вы, правда, робот? – Робот, робот, ответила, смеясь, Лариса. И тоже спросила: – А мне раздеться можно? – Да, конечно, спохватился Славик. Помог снять шубку, занёс в комнату, где стоял накрытый праздничный стол, сумку Ларисы.

– А вы и совсем раздеться можете? – опять попёр в атаку наш осмелевший друг.

– Да, конечно, – после короткой паузы согласилась Лариса.

Мы не успели опомниться, как джинсы, блузка, воздушное бельё слетели на пол. У праздничного стола стояла стройная, восхитительная девушка. Слегка смуглая Лариса Афанасьева. С голубыми глазами. С капельками растаявших снежинок на ресницах и в тёмных волнистых волосах. Идеальная жена. Японский биоробот.

Отчего-то нам с Горбачевским стало неловко. Мы попятнулись в противоположную от стола сторону, в переднюю, к выходной двери. Сказали Славе: "– Ну, вы тут знакомьтесь, устраивайтесь, а мы пошли». И мы ушли.

Да, на три месяца Славика хватило. Японская кукла и впрямь оказалась замечательным средством от холостячества. К занятиям спортом Славик теперь присовокупил ежедневное бритьё, мытьё в душе, от него уже не воняло, как от 90-летнего старца, за которым никто не убирает. Наш друг стал чистить зубы; без всяких видимых на то причин, регулярно менять исподнее. Шутил, улыбался, часто приглашал меня и Горбачевского к себе отужинать. В общем, стал другим человеком. Робот-Лариса, как и полагается идеальной жене, мило улыбалась, терпела за столом наши нескладные шуточки, по первому зову своего хозяина убегала с ним за ширмочку.

Готовила Лариса прекрасно. Особенно ей удавалась курица в густом чесночном соусе.

А 9 мая в городе Актюбинске широко и масштабно вознамерились отпраздновать День Победы. На футбольный стадион в качестве гостей заманили ветеранов Великой Отечественной, нагнали студентов и школьников. Спортивной арене в этот день надлежало стать огромной сценой для театрализованного представления.

Концерт готовили долго и в большом напряжении: сам Аслан Спулаевич, глава областной администрации, должен был присутствовать на торжестве.

Накануне праздника ложу уважаемого всеми и любимого руководителя обили каракулем. Перед приходом – усыпали лепестками из роз, побрызгали всякими дезодорантами, посадили нескольких юных красавиц в национальных одеждах.

Праздник обещал получиться пышным и достойным, как ветеранов, так и мудрого и скромного руководителя области Аслана Спулаевича.

Но, в самом начале торжеств, случилась трагедия. Высокий бетонный забор, отделяющий трибуны от футбольного поля, вдруг в одном месте треснул, поплыл и обвалился под тяжестью огромной толпы зрителей. Зрителями были школьники. Многие из них – участники представления. Стена обрушилась на тех, кто стоял на стадионе, и увлекла за собой сверху, ревущую от ужаса, толпу. Обломки бетона давили, калечили детей. Пыль, стоны, крики. Милиция, санитары с носилками.

...Детей ещё выносили из-под завалов, а на стадионе снова заиграла весёленькая, заводная музыка, и солистка ансамбля «Сударушка» Вера Петровна Полянина задорно и звонко запела:

«К-а-а-анфетки, бараночки,
Словно лебеди – саночки!..»

Референты и замы Аслана Спулаевича после случившейся неприятности советовались минут двадцать с раздосадованным своим шефом. И, в конце концов, приняли непростое решение. Праздник приказали продолжать. Потому что: не распускать же по домам ветеранов и оставшихся в живых артистов. Ветераны – они что? – крови, трупов, что ли не видели? На то они и ветераны.

Напротив обломков стены выстроили милицейский кордон. Мордovorоты-центурионы высокими щитами из непрозрачного пластика заслонили от гостевых трибун жуткое зрелище. Вера Петровна Полянина запела «К-а-а-а-анфетки, бараночки,
Словно лебеди – саночки...».

На празднике Славик представлял областную газету «Путь к коммунизму». Аккредитовался, и ошивался во время всего происходившего то тут, то там. Нащёлкал три кассеты. Юные, искалеченные, тела. Забрызганные кровью праздничные детские костюмчики. Аслан Спулаевич со товарищи.

Леденящий жилы репортаж с Праздника Победы.

Кому из фотожурналистов, либо из журналистов пишущих не хотелось бы напасть на сенсацию, не хотелось бы славы? К сожалению, подавляющее большинство сенсаций отдаёт запахом какой-нибудь гадости, мертвечины. Сенсация рассчитана, прежде всего, на нездоровое любопытство людей к чужим несчастьям, промахам и ошибкам. Она потому и пользуется спросом. Пример: кто-то попал в аварию. «Хорошо, что не я» – мелькает в голове у случайного свидетеля, и он торопливо пытается запомнить подробности кровавой драмы, смакуя в подсознании каждую деталь. Кого-то застукали в чужой спальне. «Хорошо, что не меня» – думает безгрешный обыватель, прочитавши о том в газете. И потом ещё несколько раз внимательно прочёсывает глазами вдоль, поперёк и по диагонали сальную статейку, представляя себе промежуток между строк и ТО, и ЭТО. И даже – пусть простит меня бумага – В О Т ЭТО!!!

Вряд ли кто откроется вам напрямую в этих своих маленьких слабостях. "Люди не стыдятся думать что-нибудь грязное, но стыдятся, когда предполагают, что им приписывают эти грязные мысли». (Ф. Ницше).

Никто не признается вам, что ему доставляет удовольствие смотреть телесюжеты о катастрофах на железных дорогах, точнее – рассматривать изуродованные жертвы происшествий. И святое дело всегда уступает место злодейству на первой полосе любой газеты, любой программы теленовостей.

Ничто человеческое оказалось не чуждым и нашему Славику. Даже такое. Тем более – такое. Сенсация сама заплывала в руки, и как тут Славе отказаться от неминуемой славы? Сложив бесценные кассетки в кофр, как на крыльях, полетел фотокор в редакцию. Но, к 95-му, перестройка в Актюбинске уже практически закончилась, и потому шеф посмотрел на него, как на идиота, а потом, как с идиотом, поговорил. Насчёт того, что гласность у нас – это не вседозволенность, и что место у Славика неплохое, а он им не дорожит совсем, не ценит доброго расположения руководства. В общем, сделал Славику холодный душ, полезный ему для дальнейшего здоровья.

Шёл к себе домой Славик по Ленинскому проспекту, переживал, и попался ему навстречу ещё один главный редактор – Володя Беляков. Телевидение РИКА – это что-то вроде НТВ до Путина. И даже ещё свободнее. Они первыми в городе стали показывать американские фильмы и хорошо на этом нагрели и руки и ноги. Володя обратил внимание на подавленное состояние коллеги-журналиста, узнал о его печали и предложил место для сенсации в своём независимом эфире. – А можно? – спросил, ещё не оклемавшийся от беседы со своим начальником, Славик. На что независимый Беляков только хмыкнул.

Появился повод посидеть за чашечкой кофе. Славик пригласил Белякова к себе. После третьего стакана водки Беляков обратил внимание на обилие закусок, которые, к тому же, не кончались, и в голову к нему закрались некоторые подозрения. Володя спросил: " А ты что, женат? Когда успел?». После третьего стакана, почему не рассказать родному в доску другу чистую правду? И Славик поделился своей необычной тайной. Лариса всё это время подавала на стол, улыбалась и бесшумно исчезала в своей комнате.

Володя оживился. Как всякий здоровый мужчина, он питал к девушкам и женщинам сильную слабость, даже будучи основательно женат. Все журналистки, которые поступали к Белякову на работу, проходили испытательный срок. Наряду с техникой владения пером, они тестировались на сексуальную совместимость со своим будущим шефом. На незамысловатый свой аршин он мерял их профессиональную пригодность.

Юным девушкам, которые избирают своим поприщем журналистику, нужно привыкать к мысли о том, что, время от времени, им нужно будет поступаться своими принципами. Такова специфика этой древней профессии. И уступки своему редактору – это ещё не самый большой грех. Это всего-навсего тренинг. Он поможет в дальнейшем писать хорошие статьи и не обижать власть, которая, рано или поздно, объявится и станет главным сексуальным партнёром журналиста. Добавлять ли к этому, что власть, в принципе, бисексуальна? Что ей всё равно, какого пола журналист её обслуживает...

– Так, говоришь, кукла? – недоверчиво переспросил Славика Беляков. Как мог, фотокор поделился с гостем секретами своего счастья. Беляков, как человек, привыкший доверять только фактам и собственным ощущениям, а также, уже хорошо выпивший, спросил дальше:

«А дашь попробовать?». Не совсем корректная, откровенно говоря, просьба. Но – обещал ведь показать в эфире забойный Славкин репортаж. Ни одна газета, ни одно телевидение в Актюбинске его не возьмёт. Потом – всё равно Лариска кукла. Робот. Что с неё – как с гуся вода. Сбегает в душ – только и всего. И – водки уже три бутылки выпили. Четвёртую почали. – А что? Бери, Володя! – сделал широкий жест Славик. – Лариса! – позвал он свою японскую девушку. А потом сидел на кухне, допивал в одиночестве оставшуюся бутылку.

Ночь проспал трупом. Наутро – головная боль, во рту – кошки накакали. – Лариса!.. – простонал Славик, ожидая участия и первой помощи в тяжелом своём положении. Но никто не отозвался. Славик ползал по комнате, тыкался во все углы опухшим смятым лицом – Ларисы не было нигде. В конце концов, он увидел записку, которая положена была на самое видное место – какая разница, куда.

«Я не кукла – писала ему Лариса (такое вот странное начало). Я – обыкновенный человек. Никогда не любила мужчин. Хотела завести ребёнка, но, к сожалению, нет никакого иного способа, как... вот этот... Работала на „Актюбрентгене“ программистом. Как-то мне попалась в руки твоя анкета. Для возможного отца – всё, что нужно. Спортсмен. С чего это ты вдруг начал пить? Но дело не в этом. Три месяца прошло, а беременность так и не наступила. Ты начал подкладывать меня своим друзьям... Господи!.. Могла ли я когда-нибудь подумать?.. Я ухожу».

Славик не увидел больше своей Ларисы.

Володя же Беляков его обманул. Он забрал кассеты и обменял их на место народного депутата. Мог взять деньгами, но одолела, одержала верх, любовь к простым людям. Народ, как водится, дружно проголосовал за Белякова во время очередных выборов. Независимый журналист стал вхож в святая святых – в кабинет к самому Аслану Спулаевичу.

С работы Славика уволили. Незнание государственного языка. Обнаружились какие-то досадные нестыковки с образованием. Объективные причины. На кого тут жаловаться? Если на кого и жаловаться, то только на самого себя.

Но с работой потом всё-таки наладилось. Фоторепортёр Славик был классный. Взяли его обратно. Пожурили слегка. Поунижали. Оформили на должность уборщицы. Ну, чтобы никто из проверяющих не придрался насчёт языка и образования. Уборщица перешла в фотокорреспонденты. Продолжала мыть полы, но зарплату получала, как зрелый фотомастер. Ну, Славке-то деньги зачем? Живёт один. И – теперь уже коту ясно – таким и останется. Эти японские микрочипы его всё-таки основательно пришибли. Внешне незаметно было. Только стал слегка заикаться. Из-за чего и получил от нас с Горбачевским прозвище Мугму, о чём мы тактично ему не говорили.

А насчёт Ларисы... Встретился мне как-то на автобусной остановке Лёва Берг, инженер с того самого «Актюбрентгена». И начал рассказывать про службу знакомств, и... про куклу-робота, которую прислали им прямо из Японии, в порядке шефской помощи.

– И где же она теперь? – спросил я, скептический и недоверчивый. – А – нету – ответил Лёва. – Ушла и не вернулась. Один футляр остался. Кто знал, что она такая самостоятельная? Найти не смогли. Японцы нас предупреждали, что она очень умная.

И всё вернулось на круги своя. Осенью Славка снова пробежал марафон. Мы с Горбачевским опять заходили к нему в гости, пили кофе, шутили.

И, в своём глубоком кресле, пытаясь от нас не отстать, заикался, мычал и укатывался со смеху, защищённый от всяких душевных невзгод неизлечимым своим одиночеством, наш друг Славка-Мугму.

декабрь 2000г.

Проститутка

*Смотреть на тебя и мука, и наслаждение.
Глаза в глаза и сердце в сердце – ближе некуда.
Нет, не в последний раз.
Нет, не прощаюсь.
Но – как прощаюсь. Как – в последний. Всё равно не может быть
того,
что происходит.
Как к иконе, припадаю к твоим губам. Если и был грешен, то
до тебя.
Посмотри ещё раз... Вот так...*

У гостиницы «Космос» по вечерам собираются девочки. Окосмечены. Принаряжены. Начало лета. Цветы ещё только накапливают краски в бутонах, но цветник из девочек перед гостиницей готов порадовать с апреля по ноябрь, как чужеземца, так и аборигена.

Лара. Её зовут Лара. Лариса. Обычно она сидит на второй скамейке, слева от парадного. Красная юбка, разрез до пояса.

Однажды на работу так пришла. Вся столовая подавилась. *Ну, мужики – кобели, все подряд.*

Днём Лара работает на заводе железобетонных изделий. Секретаршей. Столовая на работе у Лары давится, то от её разрезов, то от вырезов, то от наличия отсутствия. Начальство наперебой предлагает вывезти Лару за 5км от города, но на работе и в своём подъезде нельзя.

– Ребята, закурить не найдётся? Настроение что-то паршивое. Нет, из горла не буду. Ну, козёл!.. Да, и возьми пепси. Неделю назад – не поверишь – первый раз водки выпила. Сам-на-сам, дома... – А это кто? Тот самый, что «Жигули» на футболе выиграл? Он как, легко снимается? Ну, – ты же не подписываешься... Да... Налей ещё... У меня есть кофе в зёрнах. Я здесь недалеко. Да, называй ты вещи своими именами! Нет, я не *гнилая*... что ещё?..

Ты здесь по пятницам и субботам. Я специально после работы делаю крик, чтобы посмотреть на тебя. У меня есть сигареты, кассетник. Я впервые решаюсь сесть рядом, узнаю, что ты Лара, а у меня – прекрасный музыкальный вкус. Последнего концерта «Пинк фloyd» у меня нет. Конечно, достану.

В следующую субботу у меня концерт и папина машина. *Я бы поехала, но... А ты меня не изнасилуешь?* Обочина шоссе. Коньяк. *Ой, я почти голая.* Сквозь сумерки в глаза свет фар. Автоинспекция. – Ваши документы. Посветили фонариком: – А, это ты, Лара? Когда поедем? – Вот ваши права. Вы бы ещё на дороге пристроились...

Снова суббота. Комната Лары. Деньги вперёд. Я понравился тебе и могу приходить в любое время в субботу с 21 до 23 часов. Лучше вначале позвонить.

И каждой субботы я ожидал, как праздника. Так торжественно и тщательно чистят свои пёрышки предсмертные бабки, собираясь в церковь ко всенощной.

И все длинные дни недели я пересчитываю секунды, что остаются до страстной молитвы. А потом – каждый миг на глазах превращался в прошлое... Не успевала распахнуться заветная дверь, как перед глазами возникало прошлое. Ещё ни слова, но я уже чувствовал, как уходит, без возврата, всё...

Вы скажете: это противоестественно, не может быть таких чувств к девушке, у которой, вы знаете, кроме вас ещё, работы полон рот. Ну, это уж, простите, кому выпадет какая звезда. Кому нравится целомудренная, с длинной русой косой, и чтобы краснела при виде. А кому-то наоборот. И потом – нравится, не нравится – в мире каждому мужчине предназначена вполне конкретная женщина и, если она вам попалась (или, скорее, вы – ей), то уже от хлопот не отвертеться. Я жестоко страдал от необычного своего приобретения в виде, полюбившейся мне, Ларисы, однако всякий раз перешагивал через возможности установить добрые и спокойные отношения с разновидностями Стрельченко и Толкуновых. Может быть, я даже какой-нибудь больной? Нравится, хоть ты тресни, что ресницы у Ларисы обклеены вдрызг. Что всегда она может выставиться в таком ракурсе, что у вас нет вопросов, какого цвета на мадам то, что после чулок.

Потом ещё – эта «группа риска». Может, я, как всякий настоящий мужчина, просто люблю *риск*?

Вы не представляете, есть какая-то жуткая прелесть в свиданиях с девушкой, когда...

Вот она открывает вам дверь. В комнате едва уловимый запах здорового мужского пота при резких, доминирующих тонах дезодоранта и беспощадного отечественного освежителя воздуха. Безупречно прибрана кровать на две с половиной персоны...

– У меня, кроме тебя никого нет. Не веришь?.. В дверь стучат. Кто такой? Конечно, не будем открывать. Нас нет. Но в дверь начинают кричать меня по имени. Откуда такие фантазии? Нет, не откроем, иди сюда... Ну и нахал... У нахала голос моего друга Васи. Вычислил, нашёл меня здесь, чтобы отдать крестовину. Пусть посидит на кухне? Вася на кухне, и твои объятья опять возносят меня на седьмое небо. Устал? Перенервничал из-за Васи, да? Ты безгранично внимательна. А Вася, наверное, всю кухню исцарапал, пока мы здесь... Я же себя не помнила... Пусть заходит сюда. Не укрывай меня, жарко. Правда, Вася, я красивая? Дорогой, ты не будешь против? Только не смотри на нас, я так не могу, лучше походи на кухню...

Хорошая кухня.

Во всём видна аккуратность хозяйки.

Ну. Вася застрял. Он не нервничает.

Телефонный звонок. Истекли мои два часа, я не успел уйти, Вася тяжело дышит, не может сориентироваться в джинсах, нам нужно смыться, это официальный жених Ларисы. Дезодорант. Освежитель воздуха. Он сейчас зайдёт. Какой ужас! Мальчики, посидите на балконе, он совсем ещё молоденький, недолго...

На балконе по весеннему делу прохладно. – Слушай, чего ты в ней нашёл? – Вася ничего не понимает. У него с собой водка. Меня знобит, я отпиваю из бутылки крупный глоток. Я

рассказываю Васе, какая у Ларисы Душа. Одинокая девушка. Ей не везёт в жизни и, чтобы отвлечься от грустных мыслей, она... – Была бы хоть как женщина, – говорит Вася, – если бы не ты, я бы с ней – никогда! Страшилище. И рожа развратная.

Я принимаю от Васи бутылку: – Василий, ты не прав. И снова хочу разъяснить этому грубому мужику особенный характер наших с Ларисой отношений.

Дверь балкона открывается. Жених ушёл. Лариса в ночной рубашке. *Замёрзли, мальчишки? Ну, скорее ко мне. Да куда ты, дурачок, – и ты тоже...*

И мы допили водку. И прикупили ещё у старушек в подъезде. Потому что, как сказал Вася, не бывает некрасивых женщин, бывает мало водки. *Я всё могу, мальчишки.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.